

УДК 902.2(571.1):903.4

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РАМКАХ ЕДИНОЙ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (1970-е – 1-я половина 1980-х гг.)

Данная работа представляет собой обзор четвертого периода изучения ирменских древностей, исследованных в 1970-х – 1-й половине 1980-х гг. в лесостепной части Западной Сибири. Это характеристика предпосылок, которые способствовали активизации научной деятельности на региональном уровне, а также проведенных полевых исследований и основных концепций. Показано, что формирование исследовательских концепций происходило во время расцвета сибирской археологии, на основе увеличения источникового фонда, широкомасштабных раскопок, которые велись на обширной территории от Мариинско-Ачинской лесостепи на востоке до лесостепного Прииртышья на западе. Изучение трудов В.В. Боброва, В.А. Заха, Ю.Ф. Кирюшина, М.Ф. Косарева, А.В. Матвеева, В.И. Магющенко, В.И. Молодина, Д.Г. Савинова, Е.А. Сидорова, В.И. Стефанова, Т.Н. Троицкой, А.Я. Труфанова, Н.Л. Членовой, А.Б. Шамшина и других авторов дало возможность провести их сравнительный анализ, выявить общее и особенное, показать пути эволюции представлений исследователей по таким вопросам, как происхождение культуры, ее компонентный состав, хронология и периодизация, взаимодействие с другими культурными образованиями, территориальные границы, локальные различия, исторические судьбы, а также реконструкция социальных процессов и хозяйственной деятельности. Это позволило выявить особенности восприятия специалистами ирменских древностей, характерные именно для данного этапа развития археологии Сибири.

Ключевые слова: концепция, сибирская археология, ирменская культура, поселения, погребально-поминальные памятники

DOI: 10.14258/tpai(2020)3(31).-02

Введение

Исследование памятников поздней бронзы на территории лесостепной части Западной Сибири насчитывает уже более 100 лет. В рамках диссертационного исследования нами выделены пять периодов изучения ирменских древностей [Ковалевский, 2016, с. 34–35]. Ранее в отдельных публикациях уже давалась характеристика первых трех периодов [Ковалевский, 2015, с. 31–39; 2018, с. 7–16]. В данной статье приводится анализ четвертого, охватывающего хронологический промежуток с начала 1970-х до середины 1980-х гг.

Методы, материалы и результаты исследований

Новый период в изучении ирменских древностей ознаменовался несколькими важными событиями, связанными с историей сибирской археологии.

Во-первых, были открыты Алтайский и Кемеровский государственные университеты, ставшие региональными научными центрами, в которых археология заняла важное место. Так, в Кемеровском государственном университете в 1975 г. была создана первая за Уралом кафедра археологии, которую возглавил уже тогда хорошо известный в стране А.И. Мартынов, автор учебника для вузов «Археология СССР». И хотя научные интересы самого А.И. Мартынова были связаны с изучением раннего железного века, им были созданы условия и для изучения эпохи бронзы. Во 2-й половине 1970-х гг. в Алтайском государственном университете происходит становление барнаульской школы археологии, которую возглавил Ю.Ф. Кирюшин, сам занимавшийся в основном проблематикой бронзового века.

Наряду с созданными в тот период университетами, изучением памятников археологии периода поздней бронзы занимались ученые Барнаульского и Новосибирского государственных педагогических институтов, Томского и Омского государственных университетов, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а также региональных краеведческих музеев. Вместе с тем по сравнению с предшествующим периодом наблюдается сокращение участия центральных академических институтов, а также краеведческих музеев в организации регулярной экспедиционной деятельности на территории юга Западной Сибири.

Во-вторых, изучение периода поздней бронзы попало в исследуемый этап в сферу интересов целого ряда специалистов, многие из которых работали над диссертационными исследованиями. Масштабы проводимых тогда работ были связаны в том числе с представившимися ученым возможностями организовать такие исследования в рамках новостроечных экспедиций. Так, в Кемеровской области с 1973 г. начинается работу Кузбасский отряд Южносибирской археологической экспедиции во главе с В.В. Бобровым. Именно его усилиями были открыты и обследованы памятники поздней бронзы на территории Мариинско-Ачинской лесостепи (поселение Тамбар и др.) и Кузнецкой котловины (городище Люскус, поселения Лебеди-I и IV, Титовский могильник). Последний был раскопан совместными усилиями Кузбасского отряда и Ленинградского государственного университета под руководством Д.Г. Савинова.

В Новосибирской области крупные по масштабам работы осуществлялись Новосибирской археологической экспедицией (НАЭ), которую с конца 1950-х гг. возглавляла Т.Н. Троицкая. В ходе полевых работ, проводимых НАЭ на территории Приобья, раскапывались и поселения периода поздней бронзы (Батурино-II, Березовый Остров-I, Быстровка-IV, Красный Яр-I). Заслуга Т.Н. Троицкой состоит также в том, что она сумела привлечь к изучению археологии студентов, многие из которых стали впоследствии известными археологами. Так, усилиями Миловановского отряда НАЭ, которым руководил Е.А. Сидоров, с 1974 по 1981 г. проводились значительные по масштабам работы на ирменском поселении Милованово-III. В результате там раскопано около 4 тыс. кв. м площади и остатки 15 жилищ. Исследования велись также на позднеирменском городище Ивановка-III, поселениях Кротово-XVIII и Кротовский Елбан, могильниках Черное Озеро-I и Милованово-I. Искитимским отрядом НАЭ под руководством А.В. Матвеева исследовались поселения Батурино-I, Быстровка-IV и комплекс поселений Красный Яр-I. Раскопки памятников поздней бронзы в Новосибирском Приобье осуществлялись также Э.А. Севастьяновой (поселения Быстровка-IV, Петушиха-I и Петушиха-II), В.И. Молодиным (Усть-Алеус-VI), В.И. Соболевым (Абрашино-I), А.Н. Колесиным (Дубровинский могильник) и др.

География полевых исследований расширялась за счет археологического изучения новых территорий. Так, благодаря В.А. Заху, возглавлявшему Тогучинский отряд НАЭ, в течение 10 лет (1974–1984 гг.) были обследованы археологические памятники неолита и бронзового века на территории северного Присалаирья. Раскопки проводились преимущественно в долине р. Иня на поселениях Куделька-II, Заречное-III, Линево-I и могильнике Заречное-I.

На территории слабо тогда исследованной в археологическом отношении Барабы Новосибирским, а позднее Западносибирским отрядами Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР в 1970-е гг. под руководством В.И. Молоди-

на продолжилось изучение некрополя Преображенка-III – одного из самых крупных курганных могильников периода развитой и поздней бронзы юга Западной Сибири. Раскопки проводились в этот период также на поселениях Абрамово-V, Каргат-VI, Новочекино-I, могильниках Абрамово-IV, Гандичевский Совхоз, Кама-I и Сопка-II.

На территории Алтайского Приобья в 1-й половине 1970-х гг. завершил свою работу Алтайский отряд Западносибирской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Н.Л. Членовой, усилиями которого велось изучение могильников Суртайка-I и Камышенка. Со 2-й половины 1970-х гг. началось изучение памятников периода поздней бронзы Алтайской археологической экспедицией (ААЭ) и Лабораторией археологии, этнографии и истории Алтая, созданными в АлтГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Целенаправленным изучением памятников этого времени начал заниматься и А.Б. Шамшин, руководивший Приобским отрядом ААЭ. Именно тогда барнаульскими специалистами проведены исследования ряда поселений близ оз. Иткуль (Дергач, Костенкова Избушка, Коровья Пристань-III), Быково-I и III, Заковряшино-I, Речкуново-III, Казенная Заимка и др. Тогда же началось пока еще эпизодическое изучение археологических памятников Кулундинской лесостепи. Так, Г.Е. Ивановым проводились работы на позднеирменском поселении Крестьянское-IX.

В Томском Приобье масштабы изучения памятников поздней бронзы, напротив, сократились. Научные интересы томских археологов в тот период сместились в северные районы Томской области и были связаны с изучением древней этнокультурной истории Среднего Приобья. Систематическим изучением памятников поздней бронзы продолжал заниматься только В.И. Матющенко, переехавший в 1976 г. в Омск. Тем не менее именно благодаря его усилиям в 1974 г., а затем и в 1979–1981 гг. продолжилось изучение уже хорошо известного в научном мире Еловского II могильника, – годом позднее – Еловского поселения. А в 1975–1976 гг. были раскопаны самые северные ирменские погребения в составе могильника Иштан.

В лесостепном Прииртышье полевые работы на памятниках периода поздней бронзы осуществлялись преимущественно усилиями сотрудников Уральской археологической экспедиции (В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова) и Среднеиртышской археологической экспедиции ОмГУ, в составе которой работал А.Я. Труфанов. Сотрудниками УАЭ продолжилось начатое ранее исследование Розановского городища и Сибсаргатского поселения. А.Я. Труфановым обследовались поселения Николаевка-IV и Новотроицкое-I. Небольшие по масштабам работы выполнялись и В.Т. Галкиным на поселении Розовка-I и городище Юрт-Бергамак-IV.

Результатом стало увеличение источникового фонда по ирменской культуре. В течение рассматриваемого периода открыто и исследовано значительное количество памятников поздней бронзы. Часть из них уже изучалась ранее (например, памятники близ сел Еловка, Красный Яр, Милованово, Камышенка, Преображенка, оз. Иткуль и др.), но были и новые. Полевые работы данного периода привели не только к значительному увеличению корпуса источников, но к появлению различных концепций, определивших на годы вперед восприятие ирменской культуры.

Результаты проводимых исследований легли в основу научных публикаций, а также кандидатских диссертаций А.В. Матвеева, А.Б. Шамшина, А.Я. Труфанова, В.А. Заха, докторских диссертаций В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, В.И. Молодина, Н.Л. Членовой и В.В. Боброва.

Уже в 1970-е гг. частью истории стала концепция М.П. Грязнова. Археологами было принято наименование «ирменская культура», предложенное еще в середине 1950-х гг. Н.Л. Членовой. Не вызвала существенных разногласий и хронологическая позиция ирменской культуры, которая определялась большинством специалистов в пределах начала I тыс. до н.э.

Несколько «омолаживала» ирменскую культуру Н.Л. Членова, предлагая датировать ее в рамках VIII–VII вв. до н.э. Для памятников лесостепного Алтая предлагались и совсем поздние даты – VII–VI вв. до н.э. Ее аргументация строилась на привлечении датированных аналогий ирменским вещам с территориями Южной Сибири, Средней Азии, Ирана и Восточной Европы [Членова, 1970, с. 133–150]. Считая ирменскую культуру единой, Н.Л. Членова допускала существование ее окраинных вариантов. В процессе изучения ирменских памятников лесостепного Алтая в конце 1960-х – 1-й половине 1970-х гг. она объединила их в рамках алтайского варианта [Членова, 1972а, с. 26–29], который затем разделила на два самостоятельных варианта (северо-алтайский и предгорно-алтайский). Допускалось и существование большеложского и розановского вариантов на территории лесостепного Прииртышья. Говоря о формировании ирменской культуры, Н.Л. Членова [1973, с. 207–209] предложила ее казахстанское происхождение, опираясь на сходство с материалами прежде всего Верхнего Прииртышья.

Ирменскую культуру Н.Л. Членова рассматривала в рамках «карасукской эпохи», как одну из культур карасукского типа. Выделенную ей общность она называла первоначально карасукской [Членова, 1972б, с. 131–135], а позднее – карасукско-киммерийской [Членова, 1984, с. 67–68], полагая ее существование вплоть до появления культур скифо-сибирского мира. В другой работе Н.Л. Членова обозначила существование в древности северной и южной разновидностей культур карасукского типа. Для северной разновидности культур (включая ирменскую) она выделила отличительные особенности, а также общую андроновскую подоснову. Вместе с тем, говоря о межкультурных контактах, Н.Л. Членова полагала, что между северокарасукскими и южнокарасукскими культурами они как раз были невелики. Северокарасукские культуры в результате специфики ведения хозяйственной деятельности имели тенденцию к распространению в пределах широтных зон, преимущественно в западном направлении, что и демонстрирует, по ее мнению, ирменская культура [Членова, 1981а, с. 17–21; 1981б, с. 4–42].

Значительный вклад в изучение ирменской культуры внес М.Ф. Косарев, который еще в 1960-е гг. выделил для территории Томского Приобья еловскую и молчановскую культуры и дал характеристику ирменскому населению этого региона, а также лесостепного Прииртышья. Его взглядам на ирменскую культуру посвящена специальная статья [Ковалевский, Папин, 2018, с. 185–191], что избавляет от необходимости приводить здесь их развернутую характеристику. Вместе с тем стоит отметить, что именно к исследуемому периоду относится наиболее плодотворный этап деятельности М.Ф. Косарева, воплотившийся в защищенной им докторской диссертации, нескольких фундаментальных монографиях и статьях. Значимое место в работах ученого занимали вопросы, связанные с реконструкциями хозяйственной деятельности, географии и экологии. Ирменская культура рассматривалась тогда М.Ф. Косаревым в достаточно широких территориальных рамках, как часть выделенного им замараевско-ирменского (позднее межовско-ирменского) культурно-хронологического пласта

(ареала), оформившегося на андронидной основе и трансформировавшегося в ходе своего развития в культуры переходного времени от бронзы к железу.

По результатам многолетних полевых работ на территории Томского Приобья и обобщения трудов исследователей, работавших в Верхнем Приобье, другой известный специалист В.И. Матющенко в своей докторской диссертации и монографии 1974 г. выделил единую еловско-ирменскую культуру, датирующуюся XII–VIII – началом VII в. до н.э. и состоящую из двух последовательных хронологических этапов. Свою периодизацию он выстроил на основе анализа форм и орнамента керамики [Матющенко, 1974, с. 70–79]. Собственно ирменские материалы были отнесены В.И. Матющенко ко второму (ирменскому) этапу развития данной культуры, датировались VIII – началом VII в. до н.э. и «вырастали» непосредственно из еловского этапа. Таким образом, его восприятие вопроса о происхождении ирменских древностей демонстрировало в общих чертах сходство с концепцией М.Ф. Косарева.

По наблюдению специалиста, ирменское население проживало оседло в больших полуземлянках. Была сделана попытка реконструировать и элементы социального устройства ирменского населения (большая патриархальная семья, находящаяся на ранней стадии развития). Уровень имущественной дифференциации «ирменцев» определялся как невысокий. Были сделаны и другие важные наблюдения об устройстве ирменского общества, его искусстве, идеологических представлениях и отражении всего этого в погребальном обряде. Констатируя преобладание у ирменского населения оседлого скотоводческого хозяйства, специалист писал также о наличии земледелия и сохранении присваивающих видов (охота, рыболовство). Территорию лесостепного Приобья В.И. Матющенко считал одним из мощных бронзолитейных центров периода поздней бронзы, самостоятельно обеспечивающим свои потребности в металлических изделиях [Матющенко, 1974, с. 91–113]. Говоря о выделенном им ирменском этапе, В.И. Матющенко обозначал в качестве основного направления культурных связей взаимодействие с карасукским миром, а также культурами Казахстана и Средней Азии. Существование еловско-ирменской культуры, как полагал исследователь, завершалось ее трансформацией в большереченскую и кижировскую культуры раннего железного века.

Анализируя причины культурных изменений в древности, ученый выступил с критикой теории сдвигов ландшафтных зон, с помощью которой М.Ф. Косарев объяснял происходившие в древности миграции и смены населения. Сам В.И. Матющенко [1974, с. 143–149] причиной миграций считал существовавшую неравномерность экономического развития населения леса и степей.

Наибольшее значение для формирования концепции единой ирменской культуры имели исследования новосибирских ученых, многие из которых начинали свои полевые изыскания под руководством Т.Н. Троицкой в составе НАЭ. Их аналитические работы опирались на достаточно полно изученные к началу 1980-х гг. поселенческие материалы этого региона. Концепции, предложенные Е.А. Сидоровым и А.В. Матвеевым, обнаруживают определенную преемственность с идеями, высказанными еще в конце 1960-х гг. Т.Н. Троицкой [1974, с. 32–46].

Особая роль в этом процессе принадлежала Е.А. Сидорову, сумевшему на основании наблюдений за формированием зольника поселения Милованово-III выделить три хронологических горизонта (периода). Для каждого горизонта он проследил эво-

люцию керамической посуды от валиковой к гладкостенной. Происхождение ранней миловановской посуды, датированной рубежом II–I тыс. до н.э., выводилось им из андроновской культуры Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи. В то же время прослеживались параллели с восточно-казахстанской посудой, относящейся к малокрасноярскому этапу андроновской культуры, и керамикой еловского типа [Сидоров, 1983, с. 10–20; 1985, с. 63–70].

Ирменская культура стала предметом изучения и для А.В. Матвеева, занимавшегося ей тогда целенаправленно в рамках подготовки кандидатской диссертации. Происхождение ирменской культуры специалист также связывал с эволюцией андроновской культуры южной лесостепи Приобья. В качестве переходного от андроновской к ирменской культуре им был выделен ордынский этап, датированный концом XIII – началом XII в. до н.э. Само развитие ирменской культуры понималось А.В. Матвеевым как эволюционный процесс, состоявший из быстровского (XII–XI вв. до н.э.), ирменского (XI–IX вв. до н.э.) и позднеирменского (1-я половина VIII в. до н.э.) этапов. Для всех этапов А.В. Матвеевым были выявлены культурные связи по форме и орнаментации посуды, а также домостроительству. Эволюция ирменской культуры реконструировалась им как процесс формирования на определенной территории (южная часть Новосибирского и Барнаульского Приобья) раннеирменского быстровского населения, а затем его распространения (на ирменском этапе) на всю территорию Приобской лесостепи.

На заключительном позднеирменском этапе произошло резкое сокращение числа памятников, а также их локализация на юге лесостепного Приобья. Такая ситуация объяснялась А.В. Матвеевым двумя факторами: вытеснением «ирменцев» на юг в результате продвижения с севера таежного населения; переходом части ирменского населения к отгонному скотоводству [Матвеев, 1985, с. 14–19].

Особое значение имела характеристика ирменского домостроительства, которая нашла отражение в совместной статье А.В. Матвеева и Е.А. Сидорова. Стоит сказать, что предварительно А.В. Матвеевым [1983, с. 129–131] на материалах Быстровки-IV уже была рассмотрена хозяйственно-бытовая планировка ирменских поселений. А.В. Матвеевым и Е.А. Сидоровым разработана типология ирменских поселков, которые в зависимости от их площади подразделялись на небольшие (2–4 тыс. кв. м), средние (6–7 тыс. кв. м) и крупные (до 10–25 тыс. кв. м). Особое значение имела предложенная исследователями типология ирменских построек, различавшихся по площади, конструктивным и функциональным особенностям. Всего специалистами выделялись четыре типа построек. Так, большие каркасно-столбовые жилища были самыми крупными по площади (от 200 до 390 кв. м), имели достаточно сложную конструкцию и использовались для различных целей (проживание людей, зимнее содержание домашнего скота). Только для проживания людей, вероятно, служили малые каркасно-столбовые полуземлянки (от 12 до 42 кв. м). Два оставшихся типа предназначались для содержания скота и хозяйственных нужд. Исследователями была предложена также типология очажных устройств и зольников [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 29–54]. Результаты исследований ирменской культуры были изложены А.В. Матвеевым [1986, с. 56–96] и в обобщающей статье.

Таким образом, работы Е.А. Сидорова и А.В. Матвеева фактически подводили итоги изучению ирменской культуры Новосибирского Приобья за достаточно боль-

шой период (1950-е – начало 1980-х гг.). Концептуальные положения, изложенные авторами, были приняты и поддержаны большинством специалистов, занимавшихся изучением периода поздней бронзы.

Большое значение для понимания процессов, происходивших в древности, имели работы В.И. Молодина. Важным результатом его исследований того периода в Барабе стала докторская диссертация, а позднее – обобщающая монография [Молодин, 1985]. Ученый поддержал выделение Н.Л. Членовой самостоятельной ирменской культуры и обозначил единые культуурообразующие признаки. Происхождение ирменской культуры рассматривалось им как процесс взаимодействия андроновского и кротовского населения. В качестве центра происхождения ирменской культуры В.И. Молодин называл территории Верхнего Приобья и Барабы. Им намечались достаточно протяженные границы данного культурного образования, что связывалось с последующим расселением ирменского населения в лесостепной части Западной Сибири. Было признано и наличие окраинных вариантов ирменской культуры (розановского, томского, алтайского и инского).

Выступив с критикой взглядов В.И. Матющенко о единой еловско-ирменской культуре, В.И. Молодин фактически не согласился с существовавшей тогда точкой зрения об участии еловского компонента в формировании ирменской культуры. Вместе с тем им допускался определенный период сосуществования этих двух культур. Критически подошел ученый и к вопросу о роли карасукского компонента в формировании ирменской культуры, тем не менее признавая существование контактов этих культурных образований на востоке ареала. Предположение же, ранее высказанное В.И. Матющенко и М.Ф. Косаревым, о существовавших в период поздней бронзы связях между населением Западносибирской лесостепи и Казахстана, было, напротив, поддержано В.И. Молодиным и получило развитие в гипотезе об участии так называемого казахстанского бегазы-дандыбаевского компонента в процессе взаимодействия с ирменским населением. Это подтверждали и результаты исследований, полученные Т.Н. Троицкой и В.И. Молодиным в Барабе [Троицкая, Молодин, 1974, с. 95; Молодин, 1981, с. 15–17; Молодин, 1985, с. 136–142].

Хронология ирменской культуры Барабы определялась В.И. Молодиным в рамках IX – рубежа VIII–VII вв. до н.э. Специалист пришел к заключению о преобладании у ирменского населения скотоводческого хозяйства при вспомогательной роли земледелия и охоты. Исследованные ирменские жилища подразделялись на два типа (большие многокамерные и небольшие однокамерные). Более подробно давалась характеристика погребального обряда ирменского населения Барабы, который рассматривался комплексно и по целому ряду критериев, что позволило исследователю в общих чертах реконструировать процесс создания погребальных сооружений. Итогом стало выделение специфических черт, а также трех типов погребального обряда барабинских «ирменцев» [Молодин, 1985, с. 130–142].

Значимым результатом проводимых тогда В.И. Молодиным исследований стало то, что он сумел выявить ход и динамику развития ирменских древностей в исторической ретроспективе. Именно им впервые были выделены позднеирменские памятники, датированные концом VIII – VII в. до н.э. [Молодин, 1979, с. 110–112]. В совместной статье с С.В. Колонцовым В.И. Молодин продемонстрировал вариативность эволюции выделенной им позднеирменской культуры, которая на разных территориях трансформиро-

валась в различные культурные образования: большереченский этап большереченской культуры в южной части Верхнего Приобья; завьяловскую культуру в северной части Верхнего Приобья; ранний саргат в Барабе [Молодин, Колонцов, 1984, с. 69–86].

В.И. Молодин [1985] на основании анализа относительно немногочисленных тогда материалов показал, как трансформировалась ирменская культура на территории Барабы. В частности, были сделаны выводы о сохранении у позднеирменского населения: 1) скотоводческой направленности хозяйства и состава стада с сохранением присваивающих форм и земледелия; 2) домостроительных традиций, в которых прослеживается тенденция сокращения площади жилищ и на смену много- и двухкамерным жилищам приходят однокамерные. Преемственность наблюдается и по таким критериям, как территория, инвентарь и погребальный обряд. Вместе с тем отмечалось, что в позднеирменское время осложнилась политическая ситуация, вызванная, с одной стороны, давлением с севера таежных групп населения, а с другой – начавшимся переходом степного населения к полукочевому скотоводству и борьбой за пастбищные угодья. Это неизбежно привело к усилению миграционных процессов, а также росту числа укрепленных поселений [Молодин, 1985, с. 155–175].

Особое значение имели археологические исследования, проводившиеся в лесостепном Прииртышье и северной Барабе. Так, территория северной Барабы была определена В.И. Молодиным и М.А. Чемякиной в качестве контактной зоны между культурами таежной гребенчато-ямочной культурной традиции, представленной там сузгунской культурой и лесостепной ирменской культурой. Соответственно исследованные на этой территории памятники были выделены специалистами в барабинский вариант сузгунской культуры, имевший синкретичные черты [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40–62].

Исследованные памятники поздней бронзы на территории лесостепного Прииртышья по результатам раскопок в 1960-е гг. Розановского городища и поселения Черноозерье-VIII были отнесены уральскими специалистами к так называемому розановскому этапу (типу), входившему в число памятников «карасукского круга» и имевшему отличия от ирменских. Материалы же поселения Большой Лог, отличавшиеся от собственно розановских и имевшие параллели среди культур валиковой керамики, соотносились с большеложским этапом (типом) [Генинг и др., 1970, с. 36–51].

Проведенные позднее исследования В.И. Стефанова (Розановское городище) и Н.К. Стефановой (Сибсаргатское поселение) позволили дать розановскому этапу более развернутую и полную характеристику [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 103–130]. Об определенном карасукском воздействии на сузгунскую культуру среднего Прииртышья упоминали также М.Ф. Косарев [1981, с. 142, 160], В.В. Евдокимов и В.И. Стефанов [1980, с. 49–50].

Выделение самостоятельного розановского этапа (типа) не нашло поддержки среди исследователей. Так, Н.Л. Членова [1981а, с. 19] предложила рассматривать эти материалы в рамках розановского, а М.Ф. Косарев [1976, с. 27] – в рамках среднеиртышского варианта ирменской культуры. Дискуссию в научной среде вызвала и атрибуция материалов поселения Большой Лог, которые Н.Л. Членова [1973, с. 209] выделяла в самостоятельный большеложский вариант ирменской культуры, а В.А. Могильников [1983, с. 79] относил к самостоятельной группе саргаринской культуры. А.Я. Труфанов же [1986, с. 59–69] предложил считать этот памятник ирменско-саргаринским и воздержаться от выделения самостоятельного этапа (типа). Не вызывал разногласий

вопрос о происхождении ирменского населения на территории лесостепного Прииртышья, которое воспринималось как пришлое с территории Приобья [Матвеев, 1985, с. 19; Труфанов, 1984, с. 57–67].

Ученые допускали и определенную роль потомков ирменского населения в сложных процессах становления культурных образований переходного времени от бронзы к железу. Однако степень участия в этих процессах ирменского населения оценивалась по-разному. М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов не связывали происхождение красноозерской культуры Прииртышья с результатом развития местных культур периода поздней бронзы, хотя некоторое розановское наследие, выраженное преимущественно в орнаментации посуды, все-таки исследователями допускалось. Сложившуюся же в южной лесостепи культуру большеложского типа специалисты рассматривали как результат эволюции розановского населения [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 103–130]. А.Я. Труфанов предполагал, что демографическое и хозяйственно-культурное развитие в Прииртышье шло по двум линиям: «ирменско-саргатской» и «ирменско-красноозерской». Первая линия развития, по мысли автора, была ориентирована на степной мир и хозяйство скотоводческой направленности. Вторая линия демонстрировала ориентацию на таежный мир и комплексное хозяйство с большим удельным весом присваивающих видов [Труфанов, 1984, с. 57–67].

Для территории Верхнего Приобья Ю.Ф. Кирюшиным [1981, с. 51–54; 1985, с. 51–52] был выделен алтайский вариант еловской культуры, предшествующий появлению здесь ирменской культуры, формирование которой связывалось со сложными процессами взаимодействия нескольких групп населения (местного еловского, восточно-казахстанского, изготавливавшего воротничковую и валиковую керамику, и каких-то групп карасукоидного или собственно карасукского населения). Другой барнаульский специалист – А.Б. Шамшин [1985, с. 129–147] – по результатам изучения поселения Речкуново-III поставил вопрос о сосуществовании ирменского и еловского населения на территории Алтайского Приобья.

Изучение памятников поздней бронзы на территории Мариинско-Ачинской лесостепи позволило кемеровскому археологу В.В. Боброву сделать вывод о расселении ирменских племен на востоке ареала вплоть до р. Кии. Восточная периферия Обь-Чулымского междуречья была обозначена специалистом как контактная зона между ирменским и позднекарасукским населением [Бобров, 1981, с. 12–15].

Д.Г. Савинов и В.В. Бобров на основе изучения Титовского могильника подробно обосновали в ирменской культуре андроновский и карасукский этнокультурные компоненты, а также их роль в ее формировании и культурогенезе. По наблюдениям исследователей карасукский компонент был наиболее выражен в ирменских материалах долины р. Иня, Верхнего и южной части Новосибирского Приобья, что объяснялось миграцией какой-то части карасукского населения на запад [Савинов, Бобров, 1978, с. 60–62]. В более поздней публикации авторы пришли к выводу о том, что речь все-таки должна идти не о миграции карасукского населения, а о процессах диффузии. По мнению специалистов, позднее карасукское население было вытеснено раннеагарскими племенами на территорию Кузнецкой котловины. Соответственно для ирменской культуры Кузнецкой котловины предлагались достаточно поздние даты – в рамках VIII–VII вв. до н.э. [Савинов, Бобров, 1981, с. 134–135]. В.В. Бобровым [1985, с. 30] также был поставлен вопрос о своеобразии ирменской культуры Кузнецкой котловины.

Заключение

Таким образом, в 1970-е – 1-й половине 1980-х гг. благодаря активным исследованиям на территории юга Западной Сибири В.В. Боброва, В.А. Заха, Ю.Ф. Кирюшина, М.Ф. Косарева, А.В. Матвеева, В.И. Матющенко, В.И. Молодина, Д.Г. Савинова, Е.А. Сидорова, В.И. Стефанова, Т.Н. Троицкой, А.Я. Труфанова, Н.Л. Членовой, А.Б. Шамшина и других специалистов произошло значительное увеличение фонда источников по ирменской культуре. Изучение материалов поздней бронзы продолжалось на территориях всего Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, лесостепного Прииртышья. Началось исследование северного Присалаирья, Кулундинской и Мариинско-Ачинской лесостепи.

Данный период знаменовался утверждением понятия «ирменская культура», которая стала рассматриваться исследователями как часть более крупного культурно-хронологического пласта, эпохи или общности. Сложилось представление о едином центре формирования данной культуры, в качестве которого назывались территории южной части Верхнего Приобья и Барабы. Ряд вопросов, связанных с ирменской культурой, продолжал оставаться дискуссионным. Сюда нужно отнести проблему формирования данной культуры, которую большинство специалистов (начиная со времен М.П. Грязнова) связывало с дальнейшей эволюцией андроновских древностей юга Западной Сибири и Казахстана. Вместе с тем часть ученых разделяли идею М.Ф. Косарева о происхождении ирменской культуры на основе еловской культуры.

Сохранялись различия и во взглядах ученых на хронологию и периодизацию ирменской культуры. Еще в 1950-х гг. утвердилось представление о датировке карасукских (ирменских) древностей в пределах начала I тыс. до н.э. После выделения М.Ф. Косаревым еловской культуры идея об относительно непродолжительном времени существования ирменской культуры (в пределах 2–3 столетий) получила дополнительную аргументацию. Представление о формировании ирменской культуры на андроновской основе послужило основанием для разработки схемы ее длительной эволюции. Для территории Новосибирского Приобья она была сформулирована еще Т.Н. Троицкой в конце 1960-х гг., а развитие и логическое завершение получила в работах Е.А. Сидорова и А.В. Матвеева в 1-й половине 1980-х гг. Важно и то, что впоследствии схема, предложенная А.В. Матвеевым, была поддержана рядом сибирских археологов, которые использовали ее при разработке собственных реконструкций процессов, происходивших в древности.

Изменения в представлениях специалистов произошли и в вопросе об участии различных этнокультурных компонентов в формировании ирменской культуры, а также в процессе взаимодействия с ней. Если роль андроновской культуры (напрямую или опосредованно) в генезисе ирменской культуры признавалась научным сообществом, то в отношении других компонентов ситуация была не столь однозначной. Так, если ранее влияние карасукской культуры Минусинской котловины на этнокультурные процессы, протекавшие в период поздней бронзы на юге Западной Сибири, признавалось значительным, то затем произошел пересмотр этого положения, хотя контакты с карасукским населением на востоке ирменского ареала специалистами не отрицались. Учеными, работавшими в различных научно-исследовательских центрах, проводившими полевые работы на разных территориях, были высказаны идеи об участии кротовского, еловского, сузгунского, бегазы-дандыбаевского, саргаринского (валиковского) и других компонентов в процессе формирования и эволюции ирменской культу-

ры. Признавая единство ирменской культуры, специалисты выделяли, между тем, ее различные варианты (алтайский, розановский или среднеиртышский, большеложский и др.), а также контактные зоны с другими синхронными культурами (сузгунской, алтайским вариантом еловской, каменноложемским этапом карасукской культуры).

Представления о последующей трансформации ирменской культуры также претерпели важные изменения. В связи с новыми археологическими открытиями 1970-х – 1-й половины 1980-х гг. на смену господствовавшим ранее представлениям о перерастании культур периода поздней бронзы в культуры раннего железного века (большереченскую, кижировскую, саргатскую) пришло осознание того, что между ними существовал некий переходный период, представленный материалами завьяловской культуры (про Т.Н. Троицкой), позднеирменской культуры (по В.И. Молодину) или этапа (по А.В. Матвееву). В тот период продолжали разрабатываться вопросы социального устройства, мировоззрения, хозяйственной и производственной деятельности, домостроительства, особенностей погребальной практики ирменского населения.

Таким образом, 1970-е – 1-я половина 1980-х гг. стали временем расцвета в изучении ирменской культуры. Созданные тогда исследовательские концепции и определили последующее восприятие данного культурного образования.

Библиографический список

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 103–130.

Бобров В.В. Проблемы археологии Обь-Чулымского Междуречья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. История и культура народов Сибири. Новосибирск : АН СССР, 1981. С. 12–15.

Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1985. С. 28–36.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1970. С. 12–51.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск : ТГУ, 1980. С. 41–52.

Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск : [Б.и.], 1981. Вып. 3. С. 51–54.

Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 46–53.

Ковалевский С.А. О начальном периоде изучения ирменских древностей // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 31–39.

Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.

Ковалевский С.А. Формирование концептуальных подходов в изучении ирменских древностей (середина 1950-х гг. – 1960-е гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 7–16.

Ковалевский С.А., Папин Д.В. О роли М.Ф. Косарева в изучении ирменских древностей Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №5 (103). С. 185–191.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 31 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 279 с.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск : ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.

Матвеев А.В. О хозяйственно-функциональной планировке ирменских жилищ // Использование методов естественных и точных наук при изучении Древней истории Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 129–131.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 21 с.

- Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. 1986. №2. С. 56–69.
- Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень : ТюмГУ, 1985. С. 29–54.
- Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1983. С. 77–89.
- Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово : [Б.и.], 1979. С. 110–112.
- Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. История и культура народов Сибири. Новосибирск : АН СССР, 1981. С. 15–17.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1984. С. 69–86.
- Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 40–62.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 47–62.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 122–135.
- Сидоров Е.А. Стратиграфия поселения Милованово-3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск : НГПИ, 1983. С. 10–20.
- Сидоров Е.А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам раскопок поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 63–70.
- Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск : Наука, 1974. С. 32–46.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И. Разведочные работы Новосибирской археологической экспедиции // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск : ТГУ, 1974. С. 95–97.
- Труфанов А.Я. К вопросу о происхождении саргатской культуры (история изучения проблемы) // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск : ОмГУ, 1986. С. 55–64.
- Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск : ОмГУ, 1984. С. 57–67.
- Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1970. С. 133–149.
- Членова Н.Л. Итоги и проблемы изучения карасукской эпохи в Алтайском крае // Археология и краеведение Алтая. Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1972а. С. 26–29.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972б. 248 с.
- Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. С. 207–209.
- Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. История и культура народов Сибири. Новосибирск : АН СССР, 1981а. С. 17–21.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981б. С. 4–42.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск : Наука, 1984. 98 с.
- Шамшин А.Б. Поселение Речкуново-III – новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 129–147.

References

Abramova M.V., Stefanov V.I. Krasnoozyorskaya kul'tura na Irtyshе [The Krasnoozyorsk Culture on the Irtysh]. *Arheologicheskie issledovaniya v rajonah novostroek Sibiri* [Archaeological Research in the Areas of New Buildings in Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 103–130.

Bobrov V.V. Problemy arheologii Ob'-Chulym'skogo Mezhdurech'ya [Problems of Archaeology of the Ob-Chulyum Interfluve]. *Sibir' v proshlom, nastoyashhem i budushhem. Vyp. III. Istoriya i kul'tura narodov Sibiri* [Siberia in the Past, Present and Future. Issue III. History and Culture of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk: AN SSSR, 1981. Pp. 12–15.

Bobrov V.V. Epoha pozdnej bronzy Ob'-Chulym'skogo mezhdurech'ya [The Era of the Late Bronze Age of the Ob-Chulyum Interfluve]. *Arheologiya Yuzhnoj Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo : KemGU, 1985. Pp. 28–36.

Gening V.F., Gusencova T.M., Kondrat'ev O.M., Stefanov V.I., Trofimenko V.S. Periodizatsiya posele-nij epohi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ya [Periodization of Neolithic and Bronze Age Set-tlements in the Middle Irtysh Region]. *Problemy khronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoj Sibiri* [The Problems of Chronology and Cultural Affiliation of Archaeological Sites in Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1970. Pp. 12–51.

Evdokimov V.V., Stefanov V.I. Poselenie Prorva [The Prorva Settlement]. *Arheologiya Priirtysh'ya* [Archaeology of the Irtysh Region]. Tomsk : TGU, 1980. Pp. 41–52.

Kiryushin Yu.F. O kul'turah bronzovogo veka v lesostepnom Altae [About the Cultures of the Bronze Age in the Forest-Steppe Altai]. *Sibir' v proshlom, nastoyashhem i budushhem* [Siberia in the Past, Present and Future]. Novosibirsk : [B.i.], 1981. Issue 3. Pp. 51–54.

Kiryushin Yu.F. Itogi i perspektivy izucheniya pamyatnikov eneolita i bronzy Altaya [Results and prospects of Studying the Sites of the Eneolithic and Bronze of Altai]. *Problemy drevnih kul'tur Sibiri* [The Problems of Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 46–53.

Kovalevskij S.A. O nachal'nom periode izucheniya irmenskikh drevnostej [About the Initial Period of the Study of Irmenian Antiquities]. *Arheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnyh issledov-anij* [Archeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 31–39.

Kovalevskij S.A. Irmenskie drevnosti yuga Zapadnoj Sibiri: istoriya izucheniya i issledovatel'skie koncepcii : avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [Irmenian Antiquities of the South of Western Siberia: History of Study and Research Concepts : Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Barnaul, 2016. 43 p.

Kovalevskij S.A. Formirovanie konceptual'nyh podhodov v izuchenii irmenskikh drevnostej (seredina 1950-h gg. – 1960-e gg.) [Formation of Conceptual Approaches in the Study of Irmenian Antiquities (mid-1950s – 1960s)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 7–16.

Kovalevskij S.A., Papin D.V. O roli M.F. Kosareva v izuchenii irmenskikh drevnostej Zapadnoj Sibiri [About the Role of M.F. Kosarev in the Study of Irmenian Antiquities in Western Siberia]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. 2018. №5 (103). Pp. 185–191.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoj Sibiri : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Bronze Age of Western Siberia: Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Sciences]. M., 1976. 31 p.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoj Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. M. : Nauka, 1981. 279 p.

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek). Elovsko-irmenskaya kul'tura [Ancient History of the Population of the Forest and Forest-Steppe Region of the Ob (Neolithic and Bronze Age). The Yelovsko-Irmenskaya Culture]. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk : Tom. un-t, 1974. Issue 12. 196 p.

Matveev A.V. O hozyaystvenno-funktsional'noj planirovke irmenskikh zhilishh [On the Economic and Functional Planning of Irmen Dwellings]. *Ispol'zovanie metodov estestvennykh i tochnykh nauk pri izuchenii Drevnej istorii Zapadnoj Sibiri* [The Use of Methods of Natural and Exact Sciences in the Study of the Ancient History of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1983. Pp. 129–131.

Matveev A.V. Irmenskie poseleniya lesostepnogo Priob'ya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Irmen Settlements of the Forest-Steppe Ob Region : Synopsoids of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosi-birsk, 1985. 21 p.

Matveev A.V. Nekotorye itogi i problemy izucheniya irmenskoj kul'tury [Some Results and Problems of Studying the Irmen Culture]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1986. № 2. Pp. 56–69.

Matveev A.V., Sidorov E.A. Irmenskie poseleniya Novosibirskogo Priob'ya [The Irmen Settlements of the Novosibirsk Ob Region]. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e* [Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages]. Tyumen' : TyumGU, 1985. Pp. 29–54.

Mogil'nikov V.A. Ob etnicheskom sostave kul'tur Zapadnoj Sibiri v epohu zheleza [On the Ethnic Composition of the Cultures of Western Siberia in the Iron Age]. *Etnokul'turnye processy v Zapadnoj Sibiri* [Ethnocultural Processes in Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1983. Pp. 77–89.

Molodin V.I. Nekotorye problemy perehodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Novosibirskom Priob'e i lesostepnoj Barabe [Some Problems of the Transition from the Bronze to Iron Time in the Novosibirsk Ob Region and the Forest-Steppe Baraba]. *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of the Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity]. Kemerovo : [B.i.], 1979. Pp. 110–112.

Molodin V.I. O svyazyah irmenskoj kul'tury s begazy-dandybaevskoj kul'turoj Kazahstana [On the Relations of the Irmen Culture with the Begazy-Dandybaev Culture of Kazakhstan]. *Sibir' v proshlom, nastoyashhem i budushhem. Vyp. III. Istoriya i kul'tura narodov Sibiri* [Siberia in the Past, Present and Future. Issue III. History and Culture of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk : AN SSSR, 1981. Pp. 15–17.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzы [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I., Koloncov S.V. Turunovka-4 – pamyatnik perehodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni [Turunovka-4 – a Site of the Transition from the Bronze to Iron Time]. *Arheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archaeology of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1984. Pp. 69–86.

Molodin V.I., Chemyakina M.A. Poselenie Novočekino-3 – pamyatnik epohi pozdnej bronzы na severe Barabinskoj lesostepi [The Novočekino-3 Settlement – a Site of the Late Bronze Age in the North of the Barabinsk Forest-Steppe]. *Arheologiya i etnografiya Yuzhnoj Sibiri* [Archaeology and Ethnography of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo AGU, 1984. Pp. 40–62.

Savinov D.G., Bobrov V.V. Titovskij mogil'nik (k voprosu o pamyatnikah epohi pozdnej bronzы na yuge Zapadnoj Sibiri) [Titovsky Burial Ground (to the question of the sites of the Late Bronze Age in the south of Western Siberia)]. *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoj Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 47–62.

Savinov D.G., Bobrov V.V. Titovskij mogil'nik epohi pozdnej bronzы na reke Ine [The Titovsky Burial Ground of the Late Bronze Age on the Inya River]. *Problemy Zapadnosibirskoj arheologii. Epoha kamnaya i bronzы* [Problems of West Siberian Archaeology. The Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 122–135.

Sidorov E.A. Stratigrafiya poseleniya Milovanovo-3 [The Stratigraphy of the Milovanovo-3 Settlement]. *Arheologicheskie pamyatniki lesostepnoj polosy Zapadnoj Sibiri* [Archaeological Sites of the Forest-Steppe Zone of Western Siberia]. Novosibirsk : NGPI, 1983. Pp. 10–20.

Sidorov E.A. Ob andronovskom komponente v slozhenii irmenskoj kul'tury (po materialam raskopok poseleniya Milovanovo-3) [On the Andronovo Component in the Composition of the Irmen Culture (based on materials from the excavations of the Milovanovo-3 settlement)]. *Arheologicheskie issledovaniya v rajonah novostroek Sibiri* [Archaeological Research in the Areas of New Buildings in Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 63–70.

Troickaya T.N. Karasukskaya epoha v Novosibirskom Priob'e [The Karasuk Era in the Novosibirsk Ob Region]. *Drevnyaya Sibir'. Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri. Vyp. 4* [Ancient Siberia. The Bronze and Iron Age of Siberia. Issue 4]. Novosibirsk : Nauka, 1974, Pp. 32–46.

Troickaya T.N., Molodin V.I. Razvedochnye raboty Novosibirskoj arheologičeskoj ekspedicii [The Exploration work of the Novosibirsk Archaeological Expedition]. *Iz istorii Sibiri. Vyp. 16* [From the History of Siberia. Issue 16]. Tomsk : TGU, 1974. Pp. 95–97.

Trufanov A.Ya. K voprosu o proishozhdenii sargatskoj kul'tury (istoriya izucheniya problemy) [On the Question of the Origin of the Sargat Culture (history of the study of the problem)]. *Arheologicheskie, etnograficheskie i istoricheskie istočniki po istorii Sibiri* [Archaeological, Ethnographic and Historical Sources on the History of Siberia]. Omsk : OmGU, 1986. Pp. 55–64.

Trufanov A.Ya. Materialy k proishozhdeniyu i razvitiyu krasnoozyerskoj kul'tury lesostepnogo Priirtysh'ya [Materials on the Origin and Development of the Krasnoozersk Culture of the Irtysh Forest-Steppe Region]. *Problemy etnicheskoj istorii tyurkskih narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij* [The Problems of the Ethnic History of the Turkic Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Omsk : OmGU, 1984. Pp. 57–67.

Chlenova N.L. Datirovka irmenskoj kul'tury [The Dating of the Irmen Culture]. Problemy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoj Sibiri [The Problems of Chronology and Cultural Affiliation of Archaeological Sites in Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1970. Pp. 133–149.

Chlenova N.L. Itogi i problemy izucheniya karasukskoj epohi v Altajskom krae [The Results and Problems of Studying the Karasuk Era in the Altai Territory]. Arheologiya i kraevedenie Altaya [Archaeology and Local History of Altai]. Barnaul : Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972a. Pp. 26–29.

Chlenova N.L. Hronologiya pamyatnikov karasukskoj epohi [Chronology of the Sites of the Karasuk Era]. M. : Nauka, 1972b. 248 p.

Chlenova N.L. Irmenskaya kul'tura i eyo lokal'nye variant [The Irmen Culture and Its Local Variants]. Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ih yazykov [The Origin of the Aborigines of Siberia and Their Languages]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1973. Pp. 207–209.

Chlenova N.L. Karasukskie kul'tury Sibiri i Kazakhstana i ih rol' v kimmerijsko-karasukskom mire (XIII–VII vv. do n.e.) [The Karasuk Cultures of Siberia and Kazakhstan and Their Role in the Cimmerian-Karasuk World (the 13th – 7th Centuries BC)]. Sibir' v proshlom, nastoyashhem i budushhem. Vyp. III. Istoriya i kul'tura narodov Sibiri [Siberia in the Past, Present and Future. Issue III. History and Culture of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk : AN SSSR, 1981b. Pp. 17–21.

Chlenova N.L. Svyazi kul'tur Zapadnoj Sibiri s kul'turami Priural'ya i Srednego Povolzh'ya v konce epohi bronzy i nachale zheleznogo veka [The Relations between the Cultures of Western Siberia with the Cultures of the Urals and the Middle Volga Region at the End of the Bronze Age and the Beginning of the Iron Age]. Problemy zapadnosibirskoj arheologii. Epoha zheleza [Problems of West Siberian Archaeology. The Age of Iron]. Novosibirsk : Nauka, 1981v. Pp. 4–42.

Chlenova N.L. Olennye kamni kak istoricheskij istochnik (na primere olennykh kamnej Severnogo Kavkaza) [Deer Stones as a Historical Source (on the example of the deer stones of the North Caucasus)]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 98 p.

Shamshin A.B. Poselenie Rechkunovo-III – novyj pamyatnik epohi pozdnej bronzy Verhnego Priob'ya [The Settlement of Rechkunovo-III – a new Site of the Late Bronze Age in the Upper Ob Region]. Altaj v epohu kamnya i rannego metalla [Altai in the Era of Stone and Early Metal]. Barnaul : AGU, 1985. Pp. 129–147.

S.A. Kovalevsky

Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE STUDY OF LATE BRONZE AGE SITES IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA WITHIN THE UNIFIED IRMEN CULTURE (the 1970s – the first half of the 1980s)

This work is a review of the fourth period of study of Irmen antiquities, researched in the forest-steppe part of Western Siberia in the 1970s – the first half of the 1980s. This is a description of the prerequisites that contributed to the activation of scientific activities at the regional level, as well as the field research and basic concepts. We have shown that the formation of research concepts occurred during the heyday of Siberian archaeology, based on an increase in the source fund, large-scale excavations conducted on a vast territory from the Mariinsk-Achinsk forest-steppe in the East to the Irtysh forest-steppe region in the West.

The study of the works of V.V. Bobrov, V.A. Zakh, Yu.F. Kiryushin, M.F. Kosarev, A.V. Matveev, V.I. Matyushenko, V.I. Molodin, D.G. Savinov, E.A. Sidorov, V.I. Stefanov, T.N. Troitskaya, A.Ya. Trufanov, N.L. Chlenova, A.B. Shamshin and other authors made it possible to conduct a comparative analysis, identify the general and special features, show the ways of researchers' ideas evolution on such issues as the origin of culture, its component structure, chronology and periodization, interaction with other cultural entities, territorial borders, local differences, historical destinies, and the reconstruction of social processes and economic activities. This allowed us to identify the features of perception by specialists of Irmen antiquities that are typical for this stage of the Siberian archaeology development.

Key words: concept, Siberian archaeology, Irmen culture, settlements, funeral and memorial monuments